

В.Н. Разгон

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО КОММУНИЗМА КАК ИСТОЧНИК РЕПРЕССИЙ ПЕРИОДА БОЛЬШОГО ТЕРРОРА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю)

Выбор темы обусловлен важностью ее разработки для изучения таких значимых вопросов истории Большого террора, как цели репрессивной политики и принципы отбора жертв, взаимодействие органов НКВД в проведении репрессивных операций не только с органами власти разных уровней, но и с общественными активистами, являвшимися важными акторами в реализации репрессивной политики. Изучение данной темы способствует выявлению региональных особенностей реализации политики массовых репрессий. Ввиду многозначности заявленной темы, основное внимание в статье уделяется рассмотрению следующих ее аспектов: «ровсовская операция»; репрессии в отношении участников антикоммунистических крестьянских восстаний периода военного коммунизма; использование противоречий между участниками военного противостояния времени Гражданской войны для формирования обвинительных материалов в следственных делах 1937–1938 гг.

Хотя Большой террор был нацелен на выполнение задач, обусловленных политикой форсированной социалистической модернизации и предвоенной мобилизации советского общества, в значительной степени он являлся продолжением Красного террора, проводившегося со времени Гражданской войны, поскольку основными объектами репрессий, определяемыми в директивных документах, на основании которых осуществлялись репрессивные операции периода Большого террора, являлись социальные, политические и военные противники большевиков, уцелевшие после ее окончания: остатки бывших эксплуататорских классов, бывшие члены небольшевистских политических партий, активные участники белого движения и антикоммунистических крестьянских восстаний периода военного коммунизма.

В западносибирском регионе, и в Алтайском крае в том числе¹, репрессии, генетически связанные с конфликтами периода Гражданской войны, имели свою региональную специфику. Одна из них заключалась в существенном увеличении масштабов репрессий в результате проведения здесь органами НКВД репрессивной операции регионального масштаба по «делу РОВСа», начавшейся в июне 1937 г., еще до начала реализации приказа НКВД № 00447, и проводившейся в дальнейшем параллельно с репрессивной операцией на основе этого приказа. В целом по «делу Русского Общевоинского Союза» – белоэмигрантской офицерско-монархической организации, создавшей, по версии местных чекистов, разветвленную сеть многочисленных повстанческих групп и организаций на территории Западной Сибири – было арестовано и осуждено, по разным сведениям, от 25 до 29,5 тыс. чел., в том числе в Алтайском крае – более 3 тыс. чел.² При этом 84,3 % репрессированных в рамках «ровсовской операции» были приговорены к ВМН, тогда как процент расстрельных приговоров в рамках операции, проводимой на основе приказа № 00447, не превышал 50 %³. Следовательно, проведение «ровсовской операции» обусловило не только увеличение масштабов репрессий в регионе, но и повышало степень их жестокости.

На Алтае диверсионно-повстанческие группы РОВСа вскрывались органами НКВД повсеместно, но в особенности в станицах бывшей Бийской казачьей линии – районе компактного проживания бывшего казачества⁴, активно участвовавшего в Гражданской войне на стороне антибольшевистских сил, а также в районах развития маслодельческой кооперации, находящихся главным образом в алтайском предгорье. В рамках «ровсовской операции» УГБ УНКВД по Западно-Сибирскому краю была вскрыта и ликвидирована эсеровская диверсионно-шпионская террористическая организация, возглавляемая «Сибирским бюро партии социалистов-революционеров». Согласно версии следствия, эта организация имела и алтайский филиал, созданный в тяготевших к г. Бийску предгорных районах.

¹ Образован в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. о разделении Западно-Сибирского края на Алтайский край и Новосибирскую область.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 5. М., 2004. Кн. 1. С. 597; Кн. 2. С. 56; Аблажей Н.Н. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 56.

³ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 597; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 570.

⁴ См.: Аблажей Н.Н. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937–1938 гг. С. 54–55; ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5207.

Бийский филиал организовывал «вредительство» в маслодельческой промышленности, убытки от которого по Бийскому и Солтонскому заготовительным пунктам маслопрома были оценены в 2,1 млн руб.⁵ Поиск жертв репрессий в рамках операции по ликвидации эсеро-монархической организации не случайно сосредотачивался на организациях и предприятиях маслодельческой кооперации, поскольку в Сибири она исторически, еще с дореволюционного времени, являлась своеобразной «вотчиной» эсеров, многие бывшие эсеры продолжали работать в ее организациях и при советской власти.

Второй этап репрессий против эсеров, в период революции и Гражданской войны являвшихся главными политическими противниками большевиков в борьбе за влияние на крестьянские массы, связан с исполнением направленной на места 18 января 1938 г. специальной директивы НКВД об «исчерпывающей ликвидации» эсеровского подполья⁶. Во исполнение этой директивы, по сфабрикованным делам об участии в контрреволюционных эсеро-повстанческих организациях, в феврале–марте 1938 г. в различных районах Алтайского края было арестовано и осуждено тройкой не менее 1,3 тыс. человек⁷, что составило около 40 % от общего лимита на аресты, выделенного Алтайскому краю на 1938 г. Из-за больших масштабов репрессий и формирования крупных групповых дел лишь незначительное число арестованных когда-либо имели отношение к партии эсеров, а основную их массу составили различные категории сельского населения: бежавшие из ссылки бывшие кулаки, единоличники, колхозники, некоторым, наряду с участием в повстанческих группах по подготовке вооруженных восстаний, инкриминировалось «вредительство» в сельском хозяйстве. Это отражало одну из важных тенденций в эволюции массовых репрессий периода Большого террора в аграрных районах: по мере их развертывания они все более превращались в кампанию по борьбе с вредительством. Если в октябре–ноябре 1937 г. обвинения во вредительстве и диверсиях в экономике по пунктам 7 и 9 ст. 58 значились в 40 % всех обвинительных заключений, рассматривавшихся тройкой при УНКВД по Алтайскому краю, в декабре – в 51,9 %, то в марте – уже в 71,2 %⁸.

⁵ ОСД ГААК (отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4682/2. Л. 592.

⁶ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. С. 293–294.

⁷ Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. IV. 1938 – июнь 1941. Барнаул, 2002. С. 10–13.

⁸ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае. 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015. С. 170.

Оценивая роль и значение «ровсовской операции» в развертывании репрессий в западносибирском регионе, необходимо отметить, что ее проведение во многом определило и особенности реализации здесь основного директивного акта периода Большого террора – приказа НКВД № 00447. По показанию одного из сотрудников краевого управления НКВД Каменских, принимавшего участие в проведении «ровсовской операции» в районах Бийского оперсектора, где за «участие» в ровсовской организации было арестовано более 1100 чел., «когда исчерпаны были все агентурные разработки, были посланы по производствам и сельсоветам люди, выявлявшие кулаков, и их арестовывали и присоединяли к ровсовской организации»⁹. То есть основная целевая группа приказа № 00447 – «бывшие кулаки» в массовом порядке начали репрессироваться уже в рамках «ровсовской операции», до начала реализации приказа № 00447, и это, по-видимому, являлось одной из причин широкомасштабной фальсификации данных о кулацком происхождении в следственных материалах, оформлявшихся на репрессированных в период проведения операции по приказу № 00447, т. е. уже собственно «кулацкой операции». Для выполнения контрольных нормативов репрессий – лимитов, и прежде всего по основному целевому контингенту приказа – бывшим кулакам «кулацкое происхождение» в массовом порядке приписывалось проводившими следствие работниками НКВД выходцам из середняцко-бедняцких слоев населения. Сравнение следственных материалов 1937–1938 гг. и реабилитационных материалов (в ходе реабилитационных мероприятий проверялись сведения о социальном происхождении репрессированных) показывает, что эта приписка достигала не менее 40–50 %¹⁰.

Региональная специфика массовых репрессий 1937–1938 гг. на Алтае заключалась и в том, что здесь значимым объектом репрессий в ходе проведения «ровсовской операции» и репрессивной операции на основе приказа № 00477 являлась такая целевая группа репрессий, как бывшие участники антикоммунистических крестьянских восстаний периода военного коммунизма (в 1920–1921 гг. в Алтайской губернии произошло три массовых крестьянских восстания (под руководством Плотникова в степной части Алтая и два восстания в Причумышье – под руководством Рогова и Новоселова) и Сорокин-

ское восстание) с общим числом участников около 30 тыс. чел. В developmente периода Большого террора сохранились указания от регионального руководства нижестоящим исполнителям репрессий в районах о необходимости акцента в репрессивной политике на выявлении и арестах бывших участников крестьянского повстанческого движения. Начальник Кытмановского райотделения НКВД Шабалин свидетельствовал, что после поступления директивы о переходе от оформления одиночных дел к формированию групповых следственных дел, от курировавшего его начальника СПО краевого управления НКВД П.Р. Перминова поступило указание о широком развертывании следствия в этом направлении, так как «район Кытмановский имеет богатую базу как в прошлом повстанческий район»¹¹. Если в целом по Алтайскому краю основной целевой группой репрессий 1937–1938 гг. являлись «бывшие кулаки», а доля осужденных, у которых в обвинениях указывалось участие в крестьянских восстаниях периода военного коммунизма, не превышала 5–6 %, то в районах, являвшихся в 1920–1921 гг. территорией повстанческого движения, доля бывших участников крестьянских антикоммунистических восстаний периода военного коммунизма в общем составе осужденных в период Большого террора доходила до 25–30 %. Так, в Сорокинском, Залесовском и Краюшкинском районах, где находился главный очаг одного из наиболее массовых в регионе крестьянских выступлений периода военного коммунизма – Сорокинского восстания, охватившего в начале 1921 г. ряд районов Причумышского края, в котором, по разным оценкам, принимало участие от 5 тыс. до 10 тыс. человек, доля участников восстания среди жителей этих районов, осужденных тройкой при УНКВД по Алтайскому краю в 1937–1938 гг., составляла в целом 26 %, в том числе в Сорокинском районе, где находился эпицентр восстания – 56 %¹². Конечно, в отношении многих репрессированных сведения об участии в восстаниях в следственных материалах фальсифицировались. На основании изучения отложившихся в реабилитационных материалах справок, жалоб, свидетельских показаний можно утверждать, что по крайней мере четверть от осужденных тройкой как бывшие участники Сорокинского восстания, в действительности не принимали в нем участие. Но в целом не подлежит сомнению факт, что в районах массовых антикоммунистических восстаний периода военного коммунизма их бывшие участники становились одним из важнейших источников рекрутования жертв

⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 10210. Л. 116.

¹⁰ Подробнее о фальсификации данных о социальном происхождении в следственных делах периода Большого террора см.: Разгон В.Н. Большой террор 1937–1938 гг.: Выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 128–134.

¹¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6070. Л. 198.

¹² Большой террор в Алтайском крае 1937–1938 гг. / под ред. В.Н. Разгона. Барнаул, 2014. С. 130.

репрессий в годы Большого террора. При этом репрессированным по категории «участники восстаний» в рамках операций по «делу РОВСа» и приказу № 00447 чаще выносились приговоры к ВМН, чем осужденным по наиболее массовой целевой группе приказа № 00447 «бывшие кулаки»: так, доля расстрельных приговоров в отношении осужденных, в обвинительных заключениях которых указывался факт их участия в Сорокинском восстании, составляла 70 %, а в отношении репрессированных по целевой группе «бывшие кулаки» в Алтайском крае – 44 %¹³. Бывшие участники антикоммунистических крестьянских восстаний, однажды выступившие с оружием в руках против советской власти, и в дальнейшем рассматривались ею как потенциально враждебная группа населения, несмотря на то, что многие бывшие повстанцы уже интегрировались в советский социум.

Еще одним аспектом рассматриваемой в данной статье проблемы является использование следствием противоречий между участниками Гражданской войны для формирования обвинений, выдвигавшихся репрессированным в период Большого террора. На Алтае, являвшемся в годы Гражданской войны одним из районов массового партизанского движения, проведение репрессивной кампании привело к оживлению конфликтности, уходящей корнями в вооруженное противостояние периода Гражданской войны между партизанами и колчаковцами. В следственных делах 12 % всех осужденных в 1937–1938 гг. алтайской тройкой содержится указание на их принадлежность к главной группе репрессий, проводившихся на основе «ровсовской операции», и одному из целевых контингентов репрессий, обозначенному в приказе № 00447 – активные участники белого движения и лица, служившие в карательных подразделениях белой армии¹⁴. Как правило, лицам, относимым к этой категории репрессируемых, выносились более суровые приговоры: тройкой при УНКВД по Алтайскому краю к ВМН были приговорены 63,3 % бывших белогвардейцев и 79,9 % бывших «карательей», тогда как среднестатистический показатель, учитывающий приговоры, вынесенные ею осужденным всех категорий, составил 45,4 %¹⁵.

При оформлении следственных дел на бывших участников белого движения работниками НКВД активно использовались противоречия и вражда, существовавшие в местном локальном сообществе между участниками партизанского движения и воевавшими в период

¹³ Большой террор в Алтайском крае 1937–1938 гг. С. 128; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. С. 570.

¹⁴ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае. С. 163.

¹⁵ Там же. С. 150, 163.

Гражданской войны в колчаковской армии. Например, в Ключевском районе Алтайского края в августе 1937 г. в местное отделение НКВД поступило 6 заявлений от бывших партизан с требованием привлечь к ответственности бывших противников в Гражданской войне из числа односельчан, воевавших в рядах колчаковской армии, являвшихся членами дружин самообороны или принимавших участие в «черной банде» (так в официальных документах называли участников крестьянского восстания под руководством Плотникова, охватившего степные районы Алтая в 1920).

Содержание и тональность текста этих заявлений не оставляют сомнений в живучести к 1937 г. нетерпимости и вражды, порожденной трагическими коллизиями Гражданской войны. Так, житель пос. Марковки Ключевского района Е.М. Костенко писал в своем заявлении: «Я партизан, участник многих боев за власть Советов, не могу терпеть такой сволочи, какая у нас живет в колхозе и разлагает колхозные основы, а эти основы завоеваны мной во многих боях»¹⁶. Судя по содержанию этого и других заявлений, а также тому обстоятельству, что все 7 доносов поступили практически в одно время (в течение 5 дней) и почти все они написаны одним почерком¹⁷, к их составлению явно причастны сотрудники местного отделения НКВД. Вместе с тем действия работников НКВД по инспирированию таких заявлений показывают, что в 1937–1938 гг. советская тайная полиция активно использовала обстановку террора для обострения противоречий, порожденных Гражданской войной с тем, чтобы использовать советских активистов, в данном случае бывших красных партизан, для формирования обвинительной базы и оформления следственных материалов. Авторы заявлений в райотделение НКВД выступили и в качестве основных свидетелей по делу, все шесть фигурантов которого, обвиненные в создании на территории района контрреволюционной повстанческой группы и подготовке вооруженного восстания, были приговорены к расстрелу.

Принадлежность бывших военных противников к одному локальному сельскому сообществу придавала этой враждебности личностный характер и являлась фактором, способствовавшим эскалации репрессий за счет «инициативы снизу». Эта враждебность, судя по следственным и реабилитационным материалам, подогревалась постоянными ссорами и столкновениями на почве личностного неприятия, порожденного противостоянием в годы Гражданской войны, а также конфликтами, связанными с насиждением в деревне колхозно-

¹⁶ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 16260. Л. 113.

¹⁷ Там же. Л. 107–120.

го строя. О глубине этих противоречий, во многом усилившихся их персонализированной, личностной окраской, свидетельствует то обстоятельство, что некоторые из бывших партизан, выступивших в качестве авторов заявлений в НКВД и свидетелей по рассматриваемому делу, не отказались от своих показаний о враждебности репрессированных к мероприятиям советской власти и их вредительской деятельности в колхозах даже в период реабилитационного расследования, проводившегося в 1961 г., подтвердив на допросах показания, данные в 1937 г.¹⁸ Между тем подтверждение бывшими свидетелями показаний, данных в период Большого террора, на допросах, проводившихся в рамках реабилитационных мероприятий хрущевского периода, было довольно редким явлением: как правило, свидетели отказывались от показаний, данных в 1937 г., ссылаясь на искажение следователями их истинных показаний или на то, что под давлением и из страха самим оказаться в числе арестованных вынуждены были подписать сфальсифицированные следователями материалы. В результате осужденные по рассматриваемому делу так и не были реабилитированы в период хрущевской «оттепели»¹⁹, их реабилитация состоялась только в 1990 г.

Хотя бывшие партизаны и рассматривались в качестве важной социальной опоры большевистского режима и из их среды на Алтае происходило немало сельских активистов 1920–1930-х гг., имело место настороженное отношение и даже недоверие властей к этой имевшей боевой опыт и авторитетной среди населения социальной группе, исторически обусловленное активным участием партизан в антикоммунистических выступлениях периода военного коммунизма. Многие партизаны и их бывшие командиры, протестовавшие против коллективизации, стали жертвами репрессий, проводившихся в период коллективизации и раскулачивания, они составили самую многочисленную группу арестованных в рамках сфабрикованного западносибирскими чекистами в 1933 г. крупного дела о «повстанческой белогвардейской контрреволюционной организации» («белогвардейском заговоре»)²⁰. Репрессии против партизан продолжились в период Большого террора. Наиболее известным примером такого рода репрессий является дело о Западно-Сибирском партизанском повстанческом штабе, в рамках которого была репрессирована целая группа бывших руководителей партизанского движения в Запад-

ной Сибири, в том числе и руководитель партизанского движения в Горном Алтае командир Горно-алтайской партизанской дивизии И.Я. Третьяк и группа его сподвижников²¹.

В целом противоречия и конфликты, уходившие корнями в период Гражданской войны и военного коммунизма, являлись значимым фактором Большого террора, а в регионах, отличавшихся большими масштабами и ожесточенностью политического и военного противостояния, существенно способствовали увеличению масштабов и жестокости репрессий, а также во многом обуславливали специфику отбора жертв террора.

¹⁸ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 16260. Л. 170–178, 185–185 об.

¹⁹ Там же. Л. 202–203.

²⁰ Уйманов В.Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (121). С. 243–251.

²¹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5215/1. Л. 126–127.